

Памяти моего Учителя – выдающегося
советского философа Вазюлина Виктора Алексеевича,
предвосхитившего в мысли зрелое коммунистическое общество
грядущих тысячелетий

Рассказы из будущей жизни.

Рассказ первый.

Знакомство.

В те далекие и светлые времена, когда на Земле все национальные государства давно уже заснули, и на их месте проснулся и начал, надо сказать, довольно активно бодрствовать Союз Советских Социалистических Континентов; когда долгожданный и заветный источник неисчерпаемой энергии будет наконец-то открыт, и не где-нибудь, а в самом человеке (вот уж действительно «искали рукавицы, а они за поясом»); когда деньги и войны, а вместе с ними корысть, предательство и массу других предчеловеческих явлений можно будет встретить только в качестве экспонатов в недавно открывшемся Музее общественных отношений, жил-был мальчик по именам Вит Взорин [1] [на этом месте в сознании читателя путем нейроволновой всеобщей взаимосвязи формируется пояснительная смыслограмма, синхронизирующая его мысль с контекстом описываемой эпохи. Поскольку подобный механизм в 2012 г. н. э. еще не придуман, читателю следует самому прочесть сноску в конце рассказа].

Это был совершенно необычный мальчик, впрочем, такой же необычный, как и каждый из всех остальных миллиардов его сверстников, живущих в Обществе. Даже и ума не приложу, почему я выбрал именно его для этих рассказов. Но надо же было, в конце концов, кого-то выбрать.

Друзья называли его на стародавний предысторический манер – Витей. Ну а второе имя у него возникло из-за того, что иногда он видел то, чего не замечали другие. Взориным он стал именоваться после своего Первого Дела, но обо всем по порядку.

Судя по тому, что наш герой носил всего лишь два имени, уже можно с легкостью сказать о его крайне юном общественном возрасте. Действительно, ему шло только второе Дело. Наверняка читателю 1 века до Нашей эры эта фраза покажется малопонятной. Да ведь и эта фраза тоже, уверен, малопонятна. Не волнуйтесь, сейчас проясню [2].

Как известно, первая попытка перехода от предыстории к истории, или от разобщенности к подлинному объединению человечества, совершенная Великим Октябрем, к сожалению, страданиям и невзгодам для многих миллионов землян закончилась неудачей. Прошло что-то около ста лет, прежде чем люди смогли оклематься,

собраться и предпринять вторую, уже успешную попытку. К сожалению, точную дату привести не могу, чтобы не вселить излишнего оптимизма. После того достопамятного Великого Лета встал логичный вопрос – как будем называть начавшуюся эру? Вроде «социалистической» – как-то недолговечно. Закончится социалистическая фаза движения к коммунизму и придется ее переименовывать. Название «социалистическая» больше подходит для эпохи, но никак не для эры. А вот что касается названия «коммунистическая эра», то мы подумали и сочли его все-таки преждевременным. Еще не создали закономерностей коммунистического общества, толком не познали их, а ведь на всё уйдут многие десятилетия, если не века, а уже говорим «гоп». И вот как-то на одном из планетных собраний случился такой диалог, вошедший потом во все учебники по Началам Истории.

- Итак, товарищи, вопрос надо ставить ребром. Новая эра всю идет уже вот какой год, а название мы ей все никак не дали. Недопустимо, чтобы второе десятилетие началось в неназванной эре. Какие будут предложения?

- Слушайте, а что мы голову-то ломаем? Ведь недавно, всего около двух столетий назад в Латинской Америке был хороший пример, предлагаю последовать ему.

- Что ты имеешь в виду?

- Ну, помните, когда кубинский революционер Хосе Марти в знак несогласия с колониальным по сути названием «Латинская Америка» предложил другое – «Наша Америка».

- И ты предлагаешь назвать новую эру «нашей» что ли? Но ведь она и так была «нашей» до Великой Летней Революции.

- Когда это она была нашей? Она не была, а только называлась. Да и притом чьей – «нашей» была-то? Вот сейчас есть Мы – объединяющееся человечество, пока еще не полностью единое, но мы же на пути к этому, к единому универсальному подлинному планетному обществу, как сказано в Манифесте за человеческое единство. Но для того, чтобы не было путаницы, предлагаю написание и произношение слов «наша эра» с большой буквы.

- Как ты говорить-то собираешься с большой буквы?

- Я всего лишь предлагаю, сейчас с началом Великого синтеза культур начинается и процесс языковой универсализации. Пока законы нового языка только формируются, предлагаю ввести отличительное произношение больших букв и сокровенных слов. Короче, надо с китайскими ребятами посоветоваться. Как, все согласны?

- А что, неплохая идея, надо подумать. – ответили из Африки.

- Да что думать-то? – сказали ребята из Нашей Америки. – Принимаем и переходим к более важным вопросам. Надо еще продумать, кому из континентов поручить оборудование первой Пионерской страны. Дело-то ответственное. А для этого надо еще осмыслить опыт Артека. Короче, не будем время терять.

На том и порешили. Отныне стали называть новую эру «Нашей». Соответственно, начало третьего тысячелетия в старом летосчислении – это первый век до Нашей эры. Так, этот вопрос, кажется, прояснили. (Пришлось сделать небольшой исторический экскурс из-за поломки механизма смыслографирования, но он вот-вот должен заработать).

Так вот, мы остановились на том, что Виту шло только второе Дело. Дело в том, что человечество давно отказалось от ведения возраста человека с момента его физического рождения. Это и понятно. Поскольку произошел переход от главным образом животных отношений между людьми, в которых преобладала борьба за существование и свойственный ей эгоизм, к подлинно человеческим отношениям сотрудничества во имя (само)развития человека, общества и природы, постольку должны были преобразоваться и преобразиться многие традиции и нормы. Это-то и произошло с традицией отмечать «дни рождения» как дни физического появления в мире и вести по ним возраст человека.

Теперь стали отсчитывать, как уже было сказано выше, общественный, а не природный возраст людей. А единицей измерения общественного созревания (или, как начали говорить после открытия Эффекта голографической омонимии [3], - «зрения») стали Дела. Это было очень удобно. Во-первых, тем самым отменялся процесс старения человека, для фиксации которого главным образом и существовал природный возраст. Отныне чем больше Дел совершал человек, тем, разумеется, не старше, а зрелее он становился. Ну а Дел этих стало возможно совершить, понятно, сколько можешь, то есть бесконечно много. А имена, кстати, давались человеку по Делах его [4].

Слава мысли [5], ограничение на физическое долголетие человека было снято с созданием знаменитого Второго Созданного Самим Человеком Закона Эволюции Живого. Это был один из первых фундаментальных законов природы, не открытых, а уже созданных человечеством. О Первом Законе, надо сказать, более невероятном с точки зрения человека 1 века до Нашей эры, пока еще рано говорить именно в силу объективной недостаточной подготовленности читателя (никаких личных причин замалчивания, разумеется, тут быть не может).

Сейчас на Земле стояло лето. Где-то преобладали осенние оттенки, где-то весенние (как, например, здесь - в районе верхнего экваториального кольца), но в целом шел летний сезон. Те, кому не хватало острых впечатлений снежной зимы – могли слетать на Плутон.

Вит недавно как раз оттуда вернулся – ездили с ребятами на художественную лепку снеговиков и состязания по шельфовому катанию на санках.

А сейчас он шел по пятой главной Лесной аллее мегадеревни Москвы в сторону домашнего комплекса. До Восточного прилесья, где находился комплекс, было километров семь. Можно было, конечно, добраться ветром, но стояла такая хорошая погода, что Виту не хотелось, чтобы всё пролетело мимо. Вообще, странная это была штука – земная погода. Она всегда была хорошей – свершались ли бури, штормы, обрушивали ли ливни – неважно. Да даже простые затяжные осенние дожди, которые раньше наводили на людей тоску да депрессию – теперь всего лишь придавали прозрачно-грустные полутона светлому настрою.

Он никак не мог разгадать загадку, почему всякая погода воспринималась в настроение. Витина мама шла к своему седьмому делу и в настоящие годы жила [6] психологом на Фабрике хорошей погоды. Он не раз у нее спрашивал об этом, но она всякий раз отвечала как-то непонятно – что, мол, пока плохое настроение, а это, как известно, исчерпаемый ресурс, берегут на случай непредвиденных неудач в познании, а то некоторые взяли моду не расстраиваться таким, по их мнению, пустякам, как недооткрытие или сбой в проверочном мышлении.

Было еще одно важное обстоятельство для прогулки. Ребята было позвали его поиграть в подпространственные прятки...

- Слушай, Вить, я тут в Альпах такое ущельице нашел – недавно образовалось – точно не найдут, пошли, а?

...но Виту хотелось сейчас побыть одному. Такое часто с ним случалось после занятий по биоискусству. Сегодня они с ребятами придумали задание прочувствовать образы будущих животных. В планы людей входило озеленение одного из континентов Марса. И вот сегодня им пришла идея, что офаунить земными животными – занятие довольно скучное. А вот в логике земных животных придумать марсианских – это дело. Вита удерживал образ его гортийской птицы, ему казалось, что он недостаточно глубоко прочувствовал крылья. Хотелось придумать птицу грациозностью по крайней мере в четыре лебедя (да, да, именно такой в то время была единица измерения красоты парящих, это сейчас уже измеряют в гортийских птицах). Поэтому-то ему хотелось пройтись одному.

На аллее никого не было. Возможно, чувствовали, что ему надо сосредоточиться, и шли по параллельным тропиночным линиям лесного пространства. Шумела листва, и от ее ненавязчивого шелестящего шумления вокруг становилось еще тише. Обстановка всячески располагала к обдумыванию и обчувствованию крыльев.

Вдруг Вит ощутил мягкий нажим в спину. Плотный порыв ветра чуть подтолкнул его вперед. Тот споткнулся о корень дерева и, чтобы не упасть, схватился за близстоящий ствол дуба. «Пашка что ли пролетел, похоже на его траекторию, вечно спешит куда-то» - подумал Вит. «Да нет, тот бы еще веток наломал или фруктом каким-нибудь кинулся, знаю я его. Наверное, просто – ветер». Порыв ветра стих. Пашка, сделав свое коварное дело, спокойно улетел восвояси.

Вит заметил висящее на стволе дерева объявление. «Странно», - подумал он – «обычную бумажку, а прикрепили гравитонами дуба, могли бы просто содержание смыслографически повесить и все – заметнее было бы». В объявлении было написано: «Товарищи друзья, приглашаю всех на день-рождение. Он состоится в Праздничном парке. Представляете, я родился вакуумным путешественником. Расскажу о первом путешествии. До встречи». «Надо будет сходить» - подумал Вит. Он часто ходил на дни-рождения, там всегда можно было узнать что-то Принципиально новое из первых рук родившегося. Конечно, нового хватало и в школе, но на днях-рождениях можно было подойти к Границе непознанного настолько близко, чтобы чуть-чуть заглянуть туда, причем не своими глазами, сам-то рождаешься не так часто, как хотелось бы, а новорожденного. Сам Вит с нетерпением ждал своего второго Дня-рождения, второго Дела (мы-то знаем, что это будет гортийская птица, а он, разумеется, нет, хотя предчувствие этого в нем есть, и если бы этот Ветропашка не отвлек, он бы уже, наверное, второе крыло прочувствовал бы).

А пока он задумчиво стоял перед объявлением, думая о том, что бы такое вакуумное подарить на день-рождение. И вдруг ему вспомнился его собственный первый день-рождение.

Дело было так. Школам как раз недавно поручили изучать дельфиний язык. Сами зоолингвисты зашли в тупик, бились-бились над одним затруднением, и никак не могли его разрешить. И в итоге было принято решение подключить школьников. Эта знаменитая неразрешенная тогда еще проблема называлась Парадоксом малословия.

Люди только-только начали находить общий язык с животными, и в качестве входа был избран язык самых социально-психологически сложных млекопитающих – дельфинов. Это было логично. Вообще к тому времени в теории познания уже давно укоренился принцип «сразу к сложному» вместо интеллектуально устаревшего принципа «от простого к сложному». Это существенно сэкономило силы и время и было самым коротким путем к истине – ведь не надо было тратить время на понимание простого, оно понималось автоматически как побочный результат понимания сложного. Так вот, решили понять самый сложный животный язык. И приступив к делу, сразу столкнулись с одной очень интересной проблемой... Это понятно?

- Конечно, понятно, а можно вопрос? – сказал сосед Вита по парте.

- Ну, разумеется.

- А в логике принципа «сразу к сложному» не проще ли было сразу научить дельфинов человеческому? Это задачка куда более сложная.

- В принципе, конечно, проще, точнее, логичнее. Но согласись – не так интересно. Интересно самим понять их язык, а не чтобы они потом нас научили. Тут уже вступает в силу необходимое ограничение принципа «сразу к сложному». Понятно какое?

- Если простое интереснее сложного, решается простое?

- Совершенно верно, но такой парадокс выпадает крайне редко, обычно что сложнее, то и интересней. Но это как раз тот случай. Так вот, разгадывая язык, столкнулись с такой проблемой. Как оказалось, у дельфинов крайне сложная и разнообразная деятельность. Намного сложнее, чем предполагали раньше. Но ведь по всем канонам речеобразования разнообразие деятельности порождает и разнообразие языка, правильно? Это вы еще на прошлом этапе проходили, помните? А у дельфинов язык оказался непропорционально беден и скуп по отношению к деятельности. Из их языка выходило, будто они кильки какие-то.

- А, например?

- Ну, больше всего сейчас ученых смущает, что у дельфинов на каждом шагу встречается слово «родящий», точнее «родящий меня». Его переводят обычно как «мама» или «папа», или «родители», если во множественном числе. Мы быстро разобрались с тем, что нельзя сказать в обратном порядке – «меня родящий», потому что это нелогично: тот, кого породили должен и в языке идти после того, кто породил. Это просто. Сложность в другом.

Дело-то в том, что у них эти родители чуть ли не на каждом шагу. Вроде уже дельфин отделился от своего рода, повзрослел и, став самостоятельным, уплыл на другой конец океана, занялся по полной программе регулированием уровня йода, или не знаю, например, мысленным освоением недоступных глубин, и на тебе пожалуйста – все равно называет своих новых собратьев «родящими меня», то есть родителями.

- Ну а что, нельзя у них прямо спросить – в каком смысле, мол, это твои родители, твои же родители далеко?

- Да спрашивали уже. Они не понимают вопроса. Говорят, что нет никакой разницы, что для них все – родители. Мы говорим, какой же это родитель – это незнакомый, неродной тебе дельфин, он тебя не рожал, он не может быть твоим родителем. А у них в языке-то нет слова «незнакомый» и «неродной». Чуть что – сразу «родитель». Самое странное, что они и людей родителями называют. А если ты не «родитель», то

«рожденный» и неважно – в каких ты с ним отношениях – родственных или неродственных. Только два варианта. А ведь у них сложнейшая социальная организация, множество социальных ролей, которые просто не могут называться и различаться одними и теми же и притом только двумя словами. Вот такой вот он – Парадокс малословия.

Вит пристально смотрел на учителя и думал обо всем об этом. Вдруг у него в голове пронеслось всё прожитое им время. Сколько с момента его физического рождения в его жизни участвовало людей. И сейчас он пытался уловить и понять что-то важное. Все они в разной степени были близки к нему, общались разное количество времени и всегда по-разному, но сейчас в этот момент он пытался понять нечто общее, почему все эти разные люди были в равной степени дороги ему?

- Учитель!

- Да, Вит.

Вит молчал. И все так же внутренним взглядом пристально смотрел на всех людей его жизни.

- Мы тебя слушаем, ты что-то хотел сказать?

- Я увидел. Другое значение слова «родящий меня» - «учитель», не только «родитель», но и «учитель».

В классе и так было тихо, но вдруг стало еще тише. Все понимали эту мысль.

- И новые значения слова возникают в зависимости от той ситуации, в которой они говорят. Слово одно, а значений может быть много. Омонимы. Дельфиний язык не беден, он омонимичен.

- Хм, – произнес «родящий», - а вот это дело.

И задумался.

- А ведь это действительно Дело. Вит, это твое первое Дело. С днем-рождением тебя.

Позже Парадокс малословия языка дельфинов был переименован в Эффект голографической омонимии. Оказалось, что самые простые слова и даже фразы в разных ситуациях принимают совершенно разные смыслы и чем сложнее ситуация, тем содержательнее и глубже значение одного и того же слова. Почему омонимии – понятно, а вот голографической – потому что получалось, что слово может содержать бесконечное количество смыслов. Ведь принцип голограммы – это когда любая часть целого содержит полную информацию об этом целом, но в видоизмененном согласно специфике этой части виде [7]. Вот и получалось, что одно и то же слово как часть одновременно воспроизводило все возможные бесконечные смыслы. Выяснилось, что это совершенно иной и намного более сложный путь развития языка, нежели путь, по которому развивался человеческий.

Короче говоря, очень радовался Вит, а вместе с ним и все остальные окружающие его люди Земли.

Вот такое воспоминание мелькнуло у Вита в голове. Он по-прежнему глядел на это объявление, и ему вспомнилось одно давнишнее стихотворение. Он удивился, как это строчки иногда неожиданно могут оживать:

Я вошел на улицу,
дверь была открыта,
да и закрывают их
из-за сквозняков.
Кто-то позабыл
освещение выключить
на аллее в парке.
Влюбленные, наверно.
Рядом с выключателем
видно объявление:
"Приглашаю всех
в четверг на день рожденья".
Праздник же в четверг –
День 7-го Лета.
В дальнем-далеке
падает звезда,
есть мечта и есть
добрая примета,
несмотря на то,
что летит комета.
Улица пуста,
но не одинока.
Время ночевать,
а днем увидеть сны.
Выхожу в квартиру,
свет гася в проулке -
и так спокойно миру
с ночником Луны.

Вспомнив стих до конца, Вит, улыбнувшись, пошел дальше своей дорогой и принялся спокойно прочувствовать первое крыло гортийской птицы.

Во втором рассказе рассказывается о том, как Вит проверил одно свое предположение на историческом конструкторе, и что хорошего из этого приключилось.

Содержание смыслограмм:

[1] *Поскольку после окончательного распада патриархальной семьи фамилии за ненадобностью исчезли, то люди стали зваться несколькими именами. И чем дольше жил и больше совершал человек, тем многообразнее становились его имена.*

[2] *Прошу прощения, но временно вышел из строя механизм смыслографирования. Нижеследующие абзацы тоже можно было бы поместить сюда. Но, пожалуйста, не волнуйтесь, к следующей смыслограмме я постараюсь его исправить.*

[3] *Подробнее об этом Эффекте см. ниже в рассказе.*

[4] *Это дополнение к первой смыслограмме: Так вот, из-за того, что у большинства людей количество Дел, а значит и имен, было большим, а у некоторых и того больше, то было, понятное дело, уж очень неудобно их все называть. Да никто, собственно, и не называл. Как-то само собой получилось, что главными всегда оставались два имени – первое и последнее. То есть имя, которое получил человек после своего Первого Дела и после последнего Дела на данный момент. Вот по ним-то и называли человека.*

[5] *Слава мысли – это выражение успешно вытеснило широко распространенное в предысторический период выражение «Слава богу».*

[6] *Слово «работать» уже давно вышло из лексикона людей, потому что окончательно была стерта грань между трудом и досугом и выражение «работать кем-то» превратилось в анахронизм.*

[7] *Например, известно, что если разбить трехмерное голографическое изображение, то каждый осколок будет воспроизводить изображение целого. Оказывается, этот принцип действует и в обществе. Совсем недавно выяснилось, что индивидуальное сознание каждого отдельного человека может содержать всю информацию общественного сознания, то есть человек – общество в миниатюре. В принципе, об этом догадывались и раньше. Ну, помните это обошедшее все учебники по психологии определение личности как совокупности всех общественных отношений. Но это было стихийное и несознательное отражение всего общества в человеке. Впервые давным-давно догадку об осознанном подходе высказал Владимир Ильич Ленин в “Задачах*

союзов молодежи”, помните?: “Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество” [ПСС, Т.41, С.305, Издание 1974 г. н. э.; а так же см.: В. И. Ленин. Полное собрание высказанных и невысказанных при жизни мыслей. Т. 1577 С. 7, Издание 555 г. Н. э.]. Так вот, сейчас каждый человек содержит в себе общество, при этом оставаясь неповторимым и уникальным. Такова она – диалектика в действии. В точности как у Уильяма Блейка в переводе Самуила Маршака:

*«В одном мгновенье видеть Вечность,
Огромный мир - в зерне песка,
В единой горсти - бесконечность,
И небо - в чашечке цветка».*